Литвинка

Автор:
Михаил Лермонтов

Литвинка

Михаил Юрьевич Лермонтов

Поэмы

Михаил Юрьевич Лермонтов

Литвинка

повесть

1

Чей старый терем на горе крутой

Рисуется с зубчатою стеной?

Бессменный царь синеющих полей,

Кого хранит он твердостью своей?

Кто темным сводам поверять привык

Молитвы шепот и веселья клик?

Его владельца назову я вам:

Под именем Арсения друзьям

И недругам своим он был знаком

И не мечтал об имени другом.

Его права оспоривать не смел

Еще никто; – он больше не хотел!

Не ведал он владыки и суда,

Не посещал соседей никогда;

Богатый в мире, славный на войне,

Когда к нему являлися оне, —

Он убегал доверчивых бесед,

Презрением дышал его привет;

Он даже лаской гостя унижал,

Хотя, быть может, сам того не знал;

Не потому ль, что слишком рано он

Повелевать толпе был приучен?

2

На ложе наслажденья и в бою

Провел Арсений молодость свою.

Когда звучал удар его меча,

И красная являлась епанча,

Бежал татарин, и бежал литвин;

И часто стоил войска он один!

Вся в ранах грудь отважного была;

И посреди морщин его чела,

Приличнейший наряд для всяких лет,

Краснел рубец, литовской сабли след!

3

И возвратясь домой с полей войны,

Он не прижал к устам уста жены,

Он не привез парчи ей дорогой,

Отбитой у татарки кочевой;

И даже для подарка не сберег

Ни жемчугов, ни золотых серег.

И возвратясь в забытый старый дом,

Он не спросил о сыне молодом;

О подвигах своих в чужой стране

Он не хотел рассказывать жене;

И в час свиданья радости слеза

Хоть озарила нежные глаза,

Но прежде чем упасть она могла —

Страдания слезою уж была.

Он изменил ей! – Что святой обряд

Тому, кто ищет лишь земных наград?

Как путники небесны, облака,

Свободно сердце, и любовь легка…

4

Два дня прошло, – и юная жена

Исчезла; и старуха лишь одна

Изгнанье разделить решилась с ней

В монастыре, далеко от людей

(И потому не ближе к небесам).

Их жизнь – одна молитва будет там!

Но женщины обманутой душа,

Для света умертвясь и им дыша,

Могла ль забыть того, кто столько лет

Один был для нее и жизнь и свет?

Он изменил! увы! но потому

Ужель ей должно изменить ему?

Печаль несчастной жертвы и закон,

Всё презирал для новой страсти он,

Для пленницы, литвинки молодой,

Для гордой девы из земли чужой.

В угодность ей, за пару сладких слов

Из хитрых уст, Арсений был готов

На жертву принести жену, детей,

Отчизну, душу, всё, – в угодность ей!

5

Светило дня, краснея сквозь туман,

Садится горделиво за курган,

И, отделив ряды дождливых туч,

Вдоль по земле скользит прощальный луч,

Так сладостно, так тихо и светло,

Как будто мира мрачное чело

Его любви достойно! Наконец

Оставил он долину и, венец

Горы высокой, терем озарил

И пламень свой негреющий разлил

По стеклам расписным светлицы той,

Где так недавно с радостью живой,

Облокотясь на столик, у окна,

Ждала супруга верная жена;

Где с детскою досадой сын ее

Чуть поднимал отцовское копьё; —

Теперь... где сын и мать? – На месте их

Сидит литвинка, дочь степей чужих.

Безмолвная подруга лучших дней,

Расстроенная лютня перед ней;

И, по струне оборванной скользя,

Блестит зари последняя струя.

Устала Клара от душевных бурь...

И очи голубые, как лазурь,

Она сидит, на запад устремив;

Но не зари пленял ее разлив:

Там родина! Певец и воин там

Не раз к ее склонялися ногам!

Там вольны девы! – Там никто бы ей

Не смел сказать: хочу любви твоей!..

6

Она должна с покорностью немой

Любить того, кто грозною войной

Опустошил поля ее отцов;

Она должна приветы нежных слов

Затверживать, и ненависть, тоску

Учить любви святому языку;

Младую грудь к волненью принуждать,

И страстью небывалой объяснять

Летучий вздох и влажный пламень глаз;

Она должна... но мщенью будет час!

7

Вечерний пир готов; рабы шумят.

В покоях пышных блещет свет лампад;

В серебряном ковше кипит вино;

К его парам привыкнувший давно,

Арсений пьет янтарную струю,

Чтоб этим совесть потопить свою!

И пленница, его встречая взор,

Читает в нем к веселью приговор,

И ложная улыбка, громкий смех,

Кроме ее, обманывают всех.

И веря той улыбке, восхищен

Арсений; и литвинку обнял он;

И кудри золотых ее волос,

Нежнее шелка и душистей роз,

Скатилися прозрачной пеленой

На грубый лик, отмеченный войной;

Лукаво посмотрев, принявши вид

Невольной грусти, Клара говорит:

«Ты любишь ли меня?» – «Какой вопрос? —

Воскликнул он. – Кто ж больше перенес

И для тебя так много погубил,

Как я? – и твой Арсений не любил?

И, – человек, – я б мог обнять тебя,

Не трепеща душою, не любя?

О, шутками меня не искушай!

Мой ад среди людских забот – мой рай

У ног твоих! – и если я не тут,

И если рук моих твои не жмут,

Дворец и плаха для меня равны,

Досадой дни мои отравлены!

Я непорочен у груди твоей:

Суров и дик между других людей!

Тебе в колена голову склонив,

Я, как дитя, беспечен и счастлив,

И теплое дыханье уст твоих

Приятней мне курений дорогих!

Ты рождена, чтобы повелевать:

Моя любовь то может доказать.

Пусть я твой раб – но лишь не раб судьбы!

Достойны ли тебя ее рабы?

Поверь, когда б меня не создал бог,

Он ниспослать бы в мир тебя не мог».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mihail-lermontov/litvinka

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити